

ЕВГЕНИЯ ПЕРОВА

*Против
течения*

«Замечательно, ошутимо,
легко и глубоко,
романтично и печально,
много души, подтекста и
чего-то невыразимого —
так обычно пишут
стихи...».

журнал «7 дней»

Круги по воде

Евгения Перова
Против течения

«ЭКСМО»

2017

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Перова Е. Г.

Против течения / Е. Г. Перова — «Эксмо», 2017 — (Круги по воде)

ISBN 978-5-699-94982-3

«Против течения» – второй роман Евгении Перовой из цикла «Круги по воде», в котором рассказывается о судьбах Марины и Алексея Злотниковых. Сначала герои просто любили друг друга на расстоянии, потом, пройдя через тяжелейшие испытания, смогли воссоединиться и стали семейной парой. Восемь лет брака, двое детей... И вот их отношения снова под угрозой. Внезапная измена Алексея ставит всех перед сложным выбором. Сохранить семью или разрушить? Противостоять соблазну или уйти к юной любовнице? Простить мужа или прогнать?..

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-94982-3

© Перова Е. Г., 2017
© Эксмо, 2017

Содержание

Предисловие	6
Часть 1. Измена	7
Часть 2. Разбор полетов	29
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Евгения Георгиевна Перова

Против течения

© Перова Е., текст, 2017

© Курбатов С., фотография на переплете, 2017

© Redondo V. R., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

Предисловие

Роман «Против течения» представляет собой вторую книгу цикла «Круги по воде». Это большая сага о семье Марины и Алексея Злотниковых. Хотя каждая книга серии – произведение вполне завершенное и может читаться самостоятельно, все романы объединяет единая связующая нить, на которую нанизаны судьбы героев: Алексей и Марина меняются от книги к книге, их характеры раскрываются, делаются глубже. Алексей Злотников по прозвищу Леший – художник, поэтому в романах много рассуждений о живописи – каждая из трех книг заканчивается картиной, которую он написал. Марина тоже проходит свой путь взросления, постижения себя, определения своей роли в этом мире.

Название саги – «Круги по воде» – выбрано не случайно. Есть люди деятельные: творцы, креаторы, которые переделывают мир, совершенствуют. Или ломают. Такие персонажи есть в романах саги. Есть люди созерцательные, которые наблюдают, любят, а потом пишут романы, поэмы или картины – это Алексей Злотников. И есть люди, вдохновляющие других на подвиги или на творчество. Они напоминают камни, брошенные в воду, – камень просто лежит на дне, а пущенные им круги все расходятся и расходятся, меняя действительность. Подобные люди самим фактом своего существования преобразовывают мир. Такова Марина – главная героиня саги «Круги по воде».

Мы все время в глухой обороне, мы вооружены до зубов.
Оттого нам друг другу не стать ни понятней, ни ближе.
Я хочу, чтобы все, что я делаю, превращалось в любовь.
А иначе я смысла не вижу, иначе не вижу...

Елена Касьян

Часть 1. Измена

Марина сидела, прижав к уху телефонную трубку, и с тоской смотрела на Лёшкин рисунок в рамочке на стене: были изображены она сама, маленькая Муся и новорожденный Ванечка. Марина уже в десятый раз повторяла одно и то же человеку на другом конце провода, но толку не было никакого.

– Марина, ну что это такое? Почему дети без присмотра бегают? – Голос у мужа был раздраженный.

Марина отвлеклась на телефон, а малышня пробралась в комнату, служившую отцу мастерской.

– Простите, я не могу с вами больше разговаривать. – Марина быстро повесила трубку и подняла глаза на Алексея. Он вошел в комнату, ведя за руку Мусю, а под мышкой тащил ее погодка Ваньку, который уже догонял хрупкую сестренку по росту.

– Марин, я же работаю! Посмотри, Ванька весь в краске! Где няня?

– Лёш, я ее отпустила, прости, я сейчас.

Алексей поставил Ваньку на пол, но сын снова полез по его ноге, а дочка радостно запрыгала рядом.

– Муся, солнышко, я же говорила: нельзя папе мешать, он работает.

– Все, уже не работаю. – Лёшка сел на пол, и дети с визгом кинулись на него, а он в шутку рычал, пугая их и щекоча.

А когда Марина пошла из комнаты, холодно произнес:

– Я тебя просил – прекрати это.

Ночью он сразу повернулся к ней спиной. И когда она робко поскреблась пальцами по его плечу – даже не шелохнулся, сказал: я устал. Марина лежала, стараясь не всхлипывать, а слезы текли по щекам, попадая в рот, и нос тут же заложило. Наконец она тихо встала, ушла в ванную, где долго сидела на бортике ванны, глядя на льющуюся воду, вздыхая и шмыгая носом: что же делать, что же делать? Она не справлялась. Начиная с первой беременности – да что там, с самых первых дней ее жизни с Лёшкой, Марине казалось, что она только и делает, что суетится, бежит вприпрыжку, да еще с охапкой сумок и авосек, из которых так и норовят вывалиться какие-нибудь яблоки-апельсины. Почти восемь лет бежит...

Неужели прошло уже восемь лет? А это смотря откуда начинать отсчет. Все у них началось с несостоявшейся встречи: подруга Татьяна Кондратьева позвала обоих в гости, надеясь свести застенчивую и скромную Марину Смирнову с другом своего мужа – обаятельным и артистичным художником Алексеем Злотниковым по прозвищу Леший. Но «обаятельный и артистичный» не явился. В результате Марина на несколько лет завязла в отношениях с женатым Вадимом Дымариком, а Леший женился «по залету» на стервозной Стелле. И когда Марина с Алексеем наконец встретились и осознали, что созданы друг для друга, Лёшка так прикипел душой к своей дочке, что разорвать семейные узы было для него невыносимо – жена не отдала бы ему Риту. Но их брак все-таки рухнул в одночасье: жена изменяла, а дочка оказалась вовсе и не Лёшкиным ребенком. Он запил, потом уехал в деревню и прижился там, а про Марину и думать боялся: при последней ссоре с женой он чуть не убил Стеллу – и зачем Марине такой зверь нужен?!

А Марина похоронила мать, потом внезапно умер ее любовник Вадим... «Я виновата в его смерти, я! – мучилась Марина. – Я убила его своей нелюбовью!» Вся ее жизнь превратилась в одну большую черную воронку, неумолимо затягивающую ее в смерть, и даже неожиданная встреча с Лешим не остановила головокружительного падения. Встретились они в деревне – ну конечно, это Танька Кондратьева, вечная сваха, силком привезла туда Марину. И чуть не раскаялась, ведь Марина в этой деревне едва не погибла. Если бы не Леший, лежать бы ей на

дне речного омута. Алексей спас ее, вытащил на берег из омута, и потом долго еще спасал, вытаскивая из омута душевной тоски.

Они стали жить вместе, но было так трудно! У Лёшки начался «кризис жанра» в творчестве, а Марина вдруг обнаружила в себе странные способности: оказалось, что она может читать чужие мысли! Мало того – стоило ей сильно расстроиться или разозлиться, как сама собой начинала биться посуда! «И зачем это мне? Для чего? – недоумевала Марина. – Больше проблем, чем хоть какой-нибудь пользы...» Но польза все-таки была – Марина обнаружила, что может снимать головную боль и даже легко залечивать разные царапины и ожоги.

Но, несмотря на все эти способности – а может, именно из-за них! – семейная жизнь Марины налаживалась с большим трудом. Жили они с Алексеем едва сводя концы с концами: много ли могли они заработать – никому не известный художник и простой редактор в издательстве. И если бы не галерейщица и меценатка Валерия, жена бизнесмена Анатолия Свешникова, загадочная дама необыкновенной красоты, к которой Марина даже ревновала сначала своего Лешего, – они так и перебивались бы с хлеба на воду. Валерия, обладавшая такими же удивительными способностями, как у Марины, только гораздо более мощными, сразу обратила внимание на эту пару и взяла их под крыло. Она продвигала Алексея, используя все свои возможности, которых у нее было предостаточно, а к Марине относилась гораздо нежнее, чем к собственным детям: девочкам-близняшкам Миле и Кире, приемышу Степочке, чернокожему мальчику, взятому из дома ребенка, и к Аркаше – сыну первого мужа.

А потом все понеслось по нарастающей: тяжелая беременность Марины, подготовка первой Лёшкиной выставки, роды, открытие выставки... Беспокойное время. А еще Стелла, первая жена Алексея, попросила Злотниковых принять на лето ее дочку, которую не с кем было оставить: сама Стелла собиралась перебраться в Америку и ей нужно было уехать. Недолгое пребывание Риты очень сильно подействовало на всех, ведь Леший так любил девочку! Когда Стелла окончательно забрала Риту, Алексей снова запил, и Марине даже пришлось применить свой дар, чтобы вытащить мужа из запоя. Она с трудом осваивалась с открывшимися способностями и тяжело приспосабливалась к новому видению: ей, такой замкнутой и сдержанной, совсем не хотелось слышать чужие мысли или манипулировать чужим сознанием! После нескольких не слишком удачных экспериментов с Лёшкой она решила, что никогда больше не станет «лезть ему в голову», и слово держала.

Потом Марина опять забеременела, и стало окончательно ясно, что надо съезжаться с Ларисой Львовной, Лёшкиной матерью. Они продали свои двушки – Маринину и Ларисы Львовны – и купили, добавив с Лёшкиных гонораров и еще заняв денег, две квартиры в старом доме на Плющихе, объединив их в одну огромную пятикомнатную, с большой кухней и лоджиями. Совсем рядом, в новом доме, жил приемный сын Валерии, Аркаша, с юной женой Юлечкой и маленьким Митей по прозвищу генерал Козьявкин, почти ровесником их собственной Муси. Лёшка радовался, что у Марины так близко живет подруга – сам он работал с утра до ночи и хозяйством совсем не занимался.

Так что гуляла Марина только с детьми, читала только детские книжки вслух и, если выпадала минутка, чтобы тихо посидеть, тут же засыпала. Марине все казалось: вот еще месяц, еще год – и станет легче! Но не становилось. Она знала про себя, что плохая хозяйка: готовить толком так и не научилась, уборку ненавидела. В первый год, когда она еще работала, а Леший сидел дома, он взял было хозяйство на себя, но это кончилось очень быстро, потому что ему надо было творить, и, когда Марина осознала, насколько это важно, стала заниматься всем сама. Конечно, Лариса Львовна им помогала, но главный воз тянула Марина.

Съехавшись со свекровью, Марина сначала обрадовалась – она любила Ларису Львовну, да и та просто обожала невестку. Но оказалось: одно дело обожать друг друга на расстоянии, а совсем другое дело жить вместе в одной квартире. Лариса Львовна была образцовой хозяйкой. Постепенно она вытеснила Марину с кухни – готовила великолепно, хотя, на Маринин вкус,

все блюда были слишком жирными. Но допустить, чтобы свекровь совсем превратилась в домработницу, Марина никак не могла. Поэтому изо всех сил старалась, что называется, забежать вперед, хотя сама легко закрыла бы глаза на разные мелочи и ни за что не стала бы мыть чуть ли не каждый месяц окна или оттирать до зеркального блеска кухонную плиту, которая через пять минут снова пачкалась! Марина иногда жаловалась подруге, Татьяне Кондратьевой, но та ей не сочувствовала:

– Марин, да пусть делает что хочет, тебе же лучше! Другая бы радовалась, что свекровь помогает. Я от своей, кроме ругани, ничего не получала. А Лариса с тебя пылинки сдувает.

Марина чувствовала себя безрукой неряхой, когда видела, как свекровь отмывает холодильник, который она сама два дня назад вроде бы вымыла, и переживала. Она не могла ничего сказать свекрови, а уж тем более ругаться с ней, как время от времени делал Лёшка – Марина понимала: мать с сыном, обладающие горячим темпераментом, так привыкли, для них это в порядке вещей, но сама каждый раз пугалась. Квартира была большая, дети отнимали много времени, Марина ничего не успевала, и через год совместной жизни с ней случилась истерика, когда она увидела, что свекровь перестирывает вручную их с Лёшкой постельное белье:

– Мама, я же только что постирала в машине!

– Мариночка, да разве машина отстирает так! Я стала гладить, смотрю – пятна, ну я и... Мариночка?!

Мариночка зарыдала в голос и убежала в спальню, куда тут же примчалась перепуганная Лариса Львовна, которая искренне хотела помочь невестке, замучившейся с двумя маленькими детьми-погодками. Она совала Марине валерьянку, а Марина рыдала еще пуще. Лариса тоже плакала, ничего не понимая. И Леший, вернувшийся домой, как раз застал такой вселенский потоп, что схватился за голову. Он долго утешал Марину, слегка поскандалил с матерью, потом все помирились, и в доме появилась деликатная и домовитая Ксения Викентьевна, которую они прозвали Скороговоркой, потому что поди выговори такое имя-отчество!

А Марина вздохнула посвободней и даже опять вернулась в издательство, из которого почти уволилась. Марина прекрасно понимала, что это «паньски вытребеньки», как говорил Леший, который хотел, чтобы она сидела дома и занималась детьми, но на работе она отдыхала, погружаясь в чужие тексты. Главный только радовался и говорил: ты из любого дерьма конфетку сделаешь, так что – работай!

У нее было несколько постоянных авторов, а «на сладкое» она выбирала из множества томящихся в издательском портфеле рукописей то, что ей нравилось, в чем видела зерно настоящего текста. Сначала Марина работала с авторами в издательстве, хотя там приходилось терпеть назойливую и болтливую коллегу, которую прозвали Жужелицей, да и дорога отнимала слишком много времени. Потом она ушла на договор и стала работать дома, приглашая авторов к себе. Из этого тоже ничего хорошего не вышло: ей плохо удавалось выделить какое-то определенное время и приходилось работать урывками.

Один раз Леший нечаянно открыл дверь и обомлел, увидев огромный букет роз и посетителя, спрятавшегося за ними. Это был милейший и чрезвычайно робкий Илья Михайлович Гольдман, писавший под звучным псевдонимом Виктор Казарский. Он сочинял такое невероятное фэнтези, что Марина каждый раз изумлялась его необузданному воображению. Но вот любовные сцены Казарскому не удавались, хотя они и редко попадались в его романах.

Изя, как его вскоре начала звать Марина, чудовищно краснел и заикался больше обычного, когда она, внутренне смеясь, осторожно излагала свои замечания по этому поводу. У него были замечательная жена и двое мальчишек. Изя просто благоговел перед Мариной и всегда приносил цветы. Работая с ним в гостиной, Марина слышала, как Лёшка яростно грохочет чем-то в комнатах или демонстративно громко разговаривает с матерью – показывая, кто в доме хозяин. Однажды Марина даже не выдержала. Извинилась перед автором, вышла, нашла мужа в коридоре, где он искал что-то на полках шкафа, прижала к стенке:

– Что это ты устроил, а?

И целовала до тех пор, пока Лёшка, наконец, не засмеялся:

– А чего он такой веник притащил?!

Веник! Она только вздохнула, подумав: «От тебя-то и прутика не дождешься...»

Зато другой автор Лёшку заинтересовал, и немудрено: это была дама, писавшая мистико-эротические романы из «античной жизни», – Анна Семирадская, которую Лёшка тут же прозвал Фриной¹. Огненно-рыжая, тощенькая, звеневшая многочисленными цепочками с амулетами, она была похожа на экзотическую птичку с ярким оперением, поскольку одевалась в цвета душераздирающе яркие: фиолетовый, сиреневый, сине-зеленый, оранжевый... «Пожар в джунглях», – смеялся Лёшка.

Одинокая как перст, она всю свою нерастраченную страсть выплескивала в сочинения, где на каждой странице у нее «трепетали нежные груди» и «вздыхались фаллосы». Леший рыдал от смеха, читая ее многословные описания эротических сцен, которые происходили то в разрушенном храме Изида, под полуночной луной, то в чаще леса на «мягкой подстилке изумрудных мхов». Главный редактор просто умолял Марину не бросать этого автора – романы Семирадской шли нарасхват. А та, распахнув свои огромные глаза какого-то немислимо лилового цвета (Линзы у нее, что ли? – думала Марина), вещала, слегка подвывая:

– А ведь я чувствую! Да, да! В вас что-то есть, Марина, что-то необычное, что-то тайное, что надо только освободить! Отпустите себя, как птицу из клетки.

«Боже ж ты мой, – вздыхала Марина, – вот наказание на мою голову! И ведь ничегошеньки не видит!» «Фрина» стала приходиться чуть ли не каждый день, высматривая Лёшку, который развлекался вовсю: целовал ручку, играл глазами и поднимал бровь.

Тогда же снова возник один странный человек, впервые появившийся в жизни Марины еще до замужества. Еще жива была Вера Анатольевна, старшая коллега и подруга Марины, которая и показала ей рукопись этого сумасшедшего Засыпочкина. Потом, разбирая стол Веры Анатольевны после похорон, Марина нашла его рукопись – уже в компьютерной распечатке, и даже диск лежал в том же прозрачном файлике. Кто же ему набирал, неужели сама Вера Анатольевна? Марина унесла к себе текст, пробовала править, а потом забыла – отвлеклась на какие-то домашние заботы, и только спустя несколько лет снова наткнулась на этот безумный текст. Заглянула, вспомнив Веру Анатольевну, и вдруг увидела: сквозь бурелом нескладных фраз проступала великолепная проза, которую нужно было только освободить от всего лишнего. Она забрала рукопись с собой и потихоньку начала править – Лёшка сначала ругался, потом смирился: «Ну ладно, раз ты так увлеклась...» Когда Марина закончила работу, рукопись сократилась ровно в половину. Стройная, прозрачная проза, маленький шедевр. Она не добавила ни одного слова, ничего своего. Только убрала лишние тире-многоточия, повторы, бесконечные «уже» и «еще», словно прошла веником по захламленной комнате, выметая мусор, окурки, шелуху семечек и засохшие мандариновые корки. Дала посмотреть Лешему, тот удивился:

– Что это? Как здорово!

Показала авторский вариант для сравнения.

– Подожди... Так это ты сделала? Из такого бреда! – И посмотрел с уважением.

– Ты знаешь, странно: сама я ни строчки не могу написать, но вижу, как надо. Понимаю, что нужно сделать.

– Как это – ни строчки? Ты же стихи писала!

– Писала. И прозу писала. Но это все такое беспомощное было, плоское. Женская писанина. Как Вера Анатольевна говорила: сентиментальная порнография.

¹ Ф р и н а – древнегреческая гетера, центральный персонаж картины Генриха Семирадского «Фрина на празднике Посейдона в Элевзине», 1889.

– Порнография? Что ж ты такое писала-то?

– Ишь, воодушевился! Да ничего «такого», просто чушь всякая про любовь. Грезы и слезы.

– Я бы почитал. А у тебя было так: ее грудь судорожно вздымалась? Или: он подошел к ней и...

– Лёшка,пусти! Да прекрати ты...

Марина отнесла рукопись в издательство, там тоже восхитились, было решено взять текст в работу, и процесс пошел. Издали маленькую книжечку, после того как Марина уволилась. Она волновалась, как автор примет ее правку, но вроде бы ничего, даже благодарил. И услышала о Засыпочкине лишь спустя несколько лет, когда зашла на работу – уже беременная Ванькой.

– Твой-то поклонник, Засыпочкин, – сказала Жужелица, – опять рукопись принес.

Эта вещь была хуже. Марина встретила с автором. Пыталась показать ему, как поправить. Он смотрел, кивал, переделывал. Леший ревновал:

– Что ты с ним возишься?

– Лёш, мне его жалко.

– Жалко ей! Меня тебе не жалко?

– Ты что, ревнуешь, что ли? К нему? Ты мой зайчик!

– Увидишь, какой я зайчик...

Она понимала, что Засыпочкин особенный. В нем постоянно кипела какая-то посторонняя жизнь, но он прислушивался к Марине, хотя, разговаривая с ней, то и дело уходил в себя. Глаза стекленели, он хватал карандаш и писал в большой черной тетради, которую везде носил с собой. Марине он чем-то даже напоминал Лёшку – муж так же не замечал ничего вокруг, когда работал. Но у Лёшки получалось, а у Засыпочкина – нет. Марина сначала надеялась, что сможет помочь автору не только правкой рукописи, и пыталась как-то «поправить» его сумеречную душу, которую видела как некую неустойчивую конструкцию, похожую на архитектурные кошмары Ирвина Пикока: лестницы, ведущие в никуда, двери, открывающиеся в бездну, и небо под ногами².

От этих попыток у Марины сильно кружилась голова, а толку было мало: стоило ей принести немного упорядоченности, как он переставал писать совсем и срывался в глухой запой. Она решила, что такое сложное внутреннее устройство есть признак гениальности, а она своим вмешательством только все портит. Но гениальность постепенно иссякала – новый текст, что он принес, совсем никуда не годился. Марина посмотрела и ужаснулась: безумие. Кое-где светились фрагменты прекрасной прозы, но их поглощал совершенно бессвязный бред. Он как приемник, вдруг поняла Марина. Просто приемник, который ловит волны и записывает все подряд. Пишет под диктовку, не понимая половины текста. Испорченный телефон.

Марина постаралась потихоньку отдалиться от него, да и на самом деле было не до Засыпочкина: рождение Ваньки, переезд на другую квартиру. И откуда Засыпочкин узнал новый телефон? Марина подозревала, что от той же Жужелицы – не зря она с такой злобной радостью рассказывала, как бедный автор разыскивает Марину, надеясь на ее помощь. Засыпочкин стал звонить, а Марина не знала, как от него отделаться. Никакие слова не помогали, он их просто не слышал, твердя одно и то же:

– Ты должна мне помочь, обязана. Только ты. Ты моя муза, и все.

Однажды он попал на Лёшку и после этого стал говорить совсем уже гнусные вещи.

Марина бросала трубку. Лёшка ярился, и справедливо, а она не знала, как это прекратить. Думала, может, увидеться с ним еще раз? И попробовать по-своему, раз он слов не понимает?

² Ирвин Пикок – английский художник-сюрреалист (род. в 1948).

Встретились на бульваре, днем, когда много людей – инстинктивно она боялась быть с ним наедине. И не зря, как оказалось. Первый раз за время владения даром Марина столкнулась с человеком, на которого ее сила не действовала. Казалось, безумие защищает его броней – что она ни пыталась делать, все стекало, не проникая вглубь, как вода стекает с гладкой, маслянистой поверхности. Тогда Марина впервые испугалась по-настоящему: он был ей не по силам. Она пообещала, что будет работать с рукописью, и ушла. Бегом побежала, только бы скорей уйти от пугающего взгляда прищуренных прозрачных глаз.

«Что же делать?! – думала она. – Придется рассказать Лёшке!» С этим тоже были проблемы. Они словно вращались на разных орбитах, пересекаясь лишь изредка. Лёшка поймал волну – имя его стало модным, картины шли нарасхват, он сам мог выбирать заказчиков. Сразу после выставки Валерия мощным рывком втащила его на самый верх, сделав художником с мировым именем: с первого тура сразу на третий, как говорил Леший, который не сразу опомнился от столь головокружительного подъема. Он сразу стал больше работать за границей, чем дома, и два раза уезжал надолго: в Лондоне делал декорации к оперному спектаклю, в Германии писал большую фреску.

Сначала Марина еще ходила с ним на всякие тусовки, потом им надоело: оба не любили светскую суету, к тому же на них сразу начинали охоту журналисты, надеясь выжать из Лешего хоть пару слов – он избегал давать интервью. Ах, такой загадочный художник! Да и пара эффектная – на фоне высокого Алексея, яркого брюнета, Марина казалась очень хрупкой и пикантной со своей стильной стрижкой и необычного, «лунного» цвета волосами: она так и не отрастила снова длинные, как в юности, волосы. Чем дольше она жила с Алексеем, тем больше расходилась с ним, не совпадала во времени. «Мы с ним живем параллельно, – думала Марина. – А может, и все так живут? Прошла первая горячка чувств, все устоялось, у каждого – своя жизнь. А где же наша жизнь – общая? Время-то идет...»

Однажды Засыпочкин явился, когда Марина была совершенно одна в квартире. Выследил, поняла она. Дождался, пока дети с няней уйдут гулять. А Леший еще два дня назад уехал к Валерии под Кострому. Позвонили в дверь – Марина подумала, что это няня вернулась. Но увидев, кто пришел, попыталась тут же закрыть дверь. Однако Засыпочкин не дал – просто отодвинул Марину и пошел по квартире, заглядывая во все комнаты. Марина поняла, что не справится с ним, пусть он и мельче: в нем кипела свирепая сила, питаемая безумием. Позвонить в милицию! Опоздала – он резким движением ножа перерезал провод. Увидев нож, она похолодела и покорно пошла за ним в комнату – его маленькая жесткая рука так крепко держала ее запястье, что вырваться было бесполезно. Он толкнул Марину в кресло. «Что же делать? Тянуть время? Лёшка обещал сегодня приехать, но позже! Столько я не выдержу. Дети вернутся! Боже, что делать?» – думала Марина в панике. Засыпочкин с холодным любопытством рассматривал ее своими совершенно прозрачными глазами.

– Послушайте! Что вы хотите? Я же сказала – все сделаю. Вы принесли рукопись?

– Рукопись? – Он усмехнулся. – Так вот что тебе надо, сука? Рукопись? Это я написал, я!

– Конечно, вы...

– Гладкая какая! Хорошо живешь, да?

Марина смотрела с ужасом, а он был спокоен, даже весел. Худое, давно не бритое лицо, щеки запали и нос заострился, на узких губах кривая усмешка. Она видела, что его призрачная душевная конструкция превратилась в руины, как после землетрясения: стальная арматура разума больше не держала рассыпающиеся в песок перекрытия и стены.

– Хорошо-о живешь. А ты знаешь, как я живу? Знаешь? Ты знаешь, тварь, как я устал от такой жизни?

– Послушайте, хотите, я вам помогу? Вы устали. Конечно, вам надо отдохнуть. Вы работаете? Нет? Хотите, я деньгами помогу?

– Деньгами? Ты что думаешь, я ради денег? Ради денег? Да я гений! Вы все – что вы понимаете! Денег... Ты знаешь, что это такое, сочинять, а? – Он придвинулся совсем близко, брызгая слюной, и Марина вжалась в спинку кресла. – Ты знаешь, каково это? Когда ты день и ночь все думаешь, думаешь, думаешь? Ешь – думаешь, пьешь – думаешь, снешь – думаешь, спишь – и то думаешь? Когда у тебя в голове все время кино идет – цветное, широкоформатное? Звуковое? Говорят, и говорят, и говорят! Речи произносят! И каждый пристаёт – запиши, блин, меня запиши, и вот его запиши, и выключить нельзя, и записывать не успеваешь, и ничего не успеваешь, жить не успеваешь, только пишешь и пишешь, а потом тварь вроде тебя говорит – сыро, поработать надо! Я работаю, я так работаю, что скоро голова треснет...

Он долго не понимал, чем отличается от других людей. Ему казалось, у всех так – у каждого в голове идет постоянное бормотание, мельтешение образов, бесконечная, как в муравейнике, суэта мыслей, от которой нельзя избавиться и во сне: просыпался посреди ночи и думал, думал, думал. Потом, прочтя «Театральный роман» Булгакова, узнал себя в Максудове и подумал: да, да, это все так. Я тоже такой. Я – гений. Вообще, читая Булгакова, он постоянно ловил себя на мысли, что читает свое, собственное, им самим написанное – так в раннем детстве он старательно переписывал поразившее его лермонтовское «Бородино»: был в полной уверенности, что сочиняет сам.

Ночью ему порой снилась великолепная, блистательная проза. Однако утром, проснувшись, он мог вспомнить из нее только жалкие обрывки. Он прилажился везде иметь с собой толстую тетрадь, чтобы сразу записывать, но записывать было трудно – рука не поспевала за мыслью, текст получался косноязычный. И только когда он прочел то, что поправила Марина, окончательно уверился, что гений. Иногда он безумно уставал от барахтанья в этом нескончаемом потоке слов и уходил в запой – только так можно было выключить звук. Потом опять все начиналось снова: он все так же нес свою мучительную службу, переводя все сущее в слова. Вот и сейчас он смотрел на Марину, а видел россыпь слов, предложений, абзацев, из которых, как из пазлов, складывалась эта женщина, сжавшаяся в кресле, бледная, с паникой в глазах:

– Но я же обещала, что помогу.

– Помогу? Поможет она. Ты думаешь, я не понимаю? Одну рукопись украла, и другую хочешь, да? Тварь.

– Послушайте! Что вы говорите такое! Книга же вышла с вашим авторством! Вы же сами хотели, чтобы я... помогла вам... с новой рукописью...

– Я хотел? Это ты хотела! Это ты мне звонила все время! Ты и твой мужик! Что, нет его? А то бы посмотрел, как я сейчас тебя оприходую, сука!

Марина по-настоящему испугалась. Она стала осторожно сгибать ноги в коленях, чтобы ударить его, если он накинется, и вдруг ей показалось – кто-то еще есть в квартире. Леший!

– Отойди от нее. Быстро.

Засыпочкин оглянулся на спокойный Лёшкин голос, и Марина, сгруппировавшись, изо всех сил ударила безумца ногами в живот. Засыпочкин отлетел в сторону, ударился головой о ножку дивана, но тут же, как монстр из фильма ужасов, снова стал подниматься. И Леший выстрелил. Из старого деревенского ружья, которое так и лежало все это время у него в сейфе. Вселенная завертелась в разноцветной карусели, и Марина полетела во тьму. Летела она в стае каких-то черных горластых птиц, похожих на ворон, – они толкали ее своими телами и кружились по спирали, постепенно опускаясь. Птицы были пыльные и какие-то трухлявые, как поеденные молью чучела – то одна, то другая теряла вдруг перья и махала уже совсем облезлыми крыльями. Марину затошнило от отвращения, и она начала пробиваться вверх, отталкиваясь от этих безумных ворон – вверх, к свету, к солнцу! Она пробилась и полетела сама, раскинув руки и чувствуя за спиной мерные движения собственных крыльев, а воронье все падало и падало вниз – беспорядочно кружащимися черными листьями...

Марина очнулась в постели. Лёшка положил ладонь ей на лоб:

- Ну как ты?
- Ты... его... убил?
- Да жив он, жив! Промазал я. Его в психушку забрали, придурка.
- А как ты вошел? Я не слышала!
- Так дверь была открыта.
- Открыта! Это, наверно, я забыла захлопнуть, когда он ввалился!
- А что ты с ним церемонии разводила? Почему не остановила?
- На него не действует! Как хорошо, что ты раньше вернулся, господи, он же хотел...
- Ну ладно, ладно, все прошло.
- Лёш, а тебе... ничего не будет?
- Да за что, Марин? Успокойся, все хорошо.
- Чего хорошего-то! – И заплакала. – Это все я виновата...
- Чем ты виновата, не выдумывай.
- Не справилась...
- Ну перестань, перестань! Все кончилось, все хорошо, все живы.

Все кончилось, но все было не хорошо. Она-то думала, что все плохо из-за Засыпочкина. Оказалось – нет. Что-то другое. «Идем в одном направлении, но по разным сторонам улицы, – думала Марина. – А вдруг впереди перекресток? Я сверну направо, а он – налево». Она давно не пыталась что-то выведывать при помощи своего дара – пообещала однажды и слово держала, знала, ему не нравится. Так, ощущала мимоходом обрывки эмоций. И не разговаривали почти – все было некогда. Некогда! А с Алексеем что-то происходило, она чувствовала, но молчала, думала, может, сам расскажет. Потом увидела случайно в зеркале его лицо – с кем-то говорил по телефону – и похолодела: так сиял, так улыбался! Леший заметил ее и повернулся спиной. И вот, наконец, все узнала. Тоже, в общем, случайно. Или нет? Может, специально так сделал, чтобы поняла? Чтобы словами не объяснять. Зашла за чем-то в мастерскую – на мольберте стояла картина, узкий высокий холст. Подошла и... «Так вот оно что! – горько усмехнулась Марина. – Вот он зачем в Кострому ездил. Портрет писать, говорил. Что ж, хороший портрет написал».

Вошел Лёшка. Встал, ни слова не говоря. Марина расправила плечи, подняла голову и ледяным тоном произнесла:

- Красиво. Это Кира?
- Да.
- Выросла девочка.

И не могла больше смотреть на тянущееся ввысь, как стебелек, перламутровое обнаженное тело, юное, прекрасное и бесстыдное. Кира, одна из близняшек Валерии!

Марине стало так больно, что в глазах потемнело. Ушла в спальню, задернула все шторы, легла. Глаза закрыла, но все равно видела смеющееся бледное лицо, тонкую руку – не прикрывающую грудь, а словно выставляющую ее напоказ. «И как написал-то! Живой соблазн. Вот оно что. А я-то, дура, еще сама ему тогда рассказала: девочки в тебя влюблены!» – мучилась Марина.

Леший пришел, осторожно присел на краешек кровати:

- Марина...
- Что ты хочешь?
- Ты видела...

– Ее хочешь? Это я уже поняла. А от меня тебе что надо? В постель к тебе ее уложить? Нет? А то могу! Или уже переспали?

- Нет.
- Так чего ты ждешь?
- Марина...

– Уйди.

Она не знала, сколько так пролежала в темной комнате – час, день? Иногда кто-то заглядывал, что-то говорил – она не поворачивалась и не отвечала. Все страшные сны оказались явью, а вся жизнь была сном. Ничего не было, ничего. Одна черная вода, один омут. Смертный сон на дне реки. Все остальное – ложь. Потом подумала: «А ведь так же, наверное, страдал Дымарик, когда я в Лешего влюбилась, а теперь Лёшка влюбился, и ничего не сделаешь, ничего, а ведь мне тогда тоже казалось, что я во всем права, хоть и виновата. Как же – любовь оправдывает все...»

Больно. Очень больно. Но надо. И позвала мужа:

– Я подумала. Я тебя отпускаю.

– Отпускаешь?

– Да. Решай сам. Или ты со мной, или с ней. Двойной жизнью я жить не буду, хватит с меня.

– А... дети?

– А что дети? Дети твои. Наши. Так же все и будет. Ты и сейчас их не каждый день видишь. Только ты реши как-нибудь побыстрей. А то больно.

– Как ты... одним ударом.

– А ты что хотел?! Чтобы я тебе сказала: иди, милый, погуляй, только приходи не очень поздно? Так, что ли?

– И ты... даже не хочешь... побороться за меня?

– Побороться? Как? На веревочку тебя привязать? Я могу, да. Но на что ты мне такой сдался! Сам решай. Только знай, если ты к ней уйдешь – это навсегда. А со мной – вот так будет! – И опустила стену между ними, ледяную. Сверкнула глазами и вышла.

Леший собрался и уехал с Серегой Кондратьевым на рыбалку. На неделю, сказал. Подумать. Марина себе приказала: надо прожить неделю. А потом... потом видно будет.

Позвонила Татьяна:

– Марин? У вас ничего не случилось, а? Тут Леший заехал за Серегой – такой смурной.

– Тань, я приеду к тебе сейчас, ладно?

– Давай! Девичник устроим.

Марина приехала и тут же у порога разрыдалась, сев на пол:

– Тань, он уходит от меня-а...

– Леший? Да ты что?

Так и проплакали весь вечер, запивая горе водкой. «Все-таки сволочи мужики, – думала Татьяна, глядя на зареванную Марину. – Сво-ло-чи! Молодую нашел... Господи, а мы-то что, старые? Маринка еще моложе, чем я, ей еще и сорока нет! Или есть?»

– Марин, ну их на хрен, старых дураков. Давай молодых себе заведем. Мы еще хоть куда! Вон, кошелки эти эстрадные – у одной мальчик, у другой. А мы – не хуже.

– Та-ань, да не нужен мне никто... Я жить без него не могу-у.

Татьяна очень переживала за Злотниковых: с Алексеем она была знакома даже дольше, чем с Мариной. Танька вдруг вспомнила, как Злотниковы расписывались – почти через два года после того, как начали жить вместе! Маринка была уже на седьмом месяце, и тянуть дальше стало просто неприлично. Татьяна, которую Марина позвала в свидетельницы, тогда долго хохотала:

– Да вы что, до сих пор не женаты? А мы-то с Серержкой обижаемся – ишь, расписались по-тихому, свадьбу зажали!

– Тань, да как мы могли вас не позвать, ты что. Без тебя вообще бы ничего не было.

Накануне свадьбы Лешего зачем-то понесло в Питер, и Марина, зная, чего от него можно ожидать, вытащила его оттуда на день раньше – он сам предполагал прибыть прямо «к обряду», как он изящно выразился. Он позвонил с вокзала:

– Марин, я забыл, куда ехать! Где этот чертов загс-то?

– Ехать надо домой.

– Почему домой, что случилось?

– Ничего не случилось, приезжай домой, я тебе все объясню. Все хорошо, не волнуйся.

Поняв, что свадьба только завтра, он разорался, но Марина и не думала обижаться – Леший просто перенервничал: поезд задерживался, и если бы расписывались сегодня, он действительно с трудом успел бы «к обряду». Когда он выдохся, Марина сказала ему, сдерживая смех:

– Ну что ты орешь, папочка? У тебя невеста на сносях, а ты разоряешься.

От слова «папочка» Леший тут же размяк и сел на пол перед Мариной, положив голову ей на колени:

– Прости меня, дурака.

– Ты только представь: вот такой взвинченный ты завтра бы приехал в загс – да нас бы выгнали.

Из загса их и так чуть было не выгнали, потому что они ржали как сумасшедшие всю дорогу, и суровая тетенька-регистраторша даже сделала им замечание:

– Молодые, будьте посерьезней. Свидетели!

После этого они совсем пошли вразнос, и Леший, сделав серьезное лицо, проникновенно обратился к регистраторше, прервав ее патетическую речь:

– Драгоценная моя. Бриллиантовая. Вы же не могли не заметить, что невеста моя глубоко беременна, ей стоять тяжело. Не могли бы вы, яхонтовая моя, окрутить нас побыстрее, пока невеста тут случайно не родила.

Тетенька, ужаснувшись, скомкала процедуру, и они, наконец, вывалились в коридор, хохоча в голос, а Марина помчалась в туалет, потому что чуть не описалась от смеха.

Леший так ни о чем толком и не подумал. Сидели с Сережкой у реки, смотрели на поплавки, жарили на костре рыбу, выпивали, говорили о чем угодно – о политике, о спорте, о всякой ерунде. Серега – простой, уютный, свой. Так вкусно все делал: плевал на червяка, чистил рыбу, выпивал, крякая, водку из пластмассового стаканчика. «Надо его написать, – подумал Леший. – И Таньку с ребятами. А то, сколько дружим. Нехорошо». Потом отвез Серегу домой, Танька вышла, посмотрела мрачно:

– У меня Марина была. Так что я все знаю.

– Знаешь, и хорошо. Что... Марина?

– А это я тебе не скажу. Приедешь – увидишь.

Твою мать! Бабы...

Поехал сам не зная куда. Заметался. Домой возвращаться страшно. Развернулся против всех правил – вокруг засигналили – и рванул в другую сторону. Потом опять передумал, опять повернул, так и метался по Москве до ночи. Наконец подъехал к дому и долго сидел в машине, думал: «Господи, что делать? Неделя была – не задумался, а сейчас за пять минут все решить пытаюсь...»

Всю неделю, пока Лешего не было, Марина держалась, но к пятнице, когда он должен был вернуться, она совершенно изнемогла и уже почти не могла делать вид, что ничего не случилось. И как нарочно, еще утром услышала по радио старую песню Максима Леонидова – строчки привязались намертво, так весь день и жужжали у нее в голове, как назойливые мухи: «Где-то далеко летят поезда, самолеты сбиваются с пути... Если он уйдет – это навсегда, так что просто не дай ему уйти...»

День близился к концу, а Лёшки все не было и не было – Марина то металась по квартире, то застывала у кухонного окна, из которого был виден двор: не подъехала ли машина Алексея? В конце концов она оставила детей на бабушку и, отговорившись головной болью,

ушла в спальню, где свернулась клубочком на постели. «Зачем, зачем я сказала, что отпускаю его?! А вдруг он и правда уйдет? Если он уйдет – это навсегда... – терзалась горькими мыслями Марина. – Вот приедет сейчас, соберет вещи – и уйдет. Или вообще не придет домой – и все. А потом придет кого-нибудь за барахлом. Господи, какая я дура! Зачем, зачем я это сказала, зачем?.. Если он уйдет – это навсегда, просто не дай ему уйти... Ну подумаешь, ну влюбился. И что такого, что там могло между ними быть, надо было закрыть глаза, переждать, перетерпеть...»

Почему? Почему именно Кира? Ведь она никогда ему не нравилась, никогда! Леший просто заходилась от ее капризов и дерзостей, называл зверенышем. Особенно она доставала Лёшку осенью, когда Злотниковым пришлось пожить некоторое время у Валерии. Конечно, это было удобно – Марине помогали и няня Наташа, и Мила, с которой она совсем подружилась. Валерия была счастлива, да и Марина тоже: впервые в жизни у них обеих появились дружеские – почти родственные! – отношения, основанные на равенстве и понимании, как-то даже отделявшие их ото всех остальных, непосвященных. Так что, пожалуй, не зря Кира страшно ревновала Марину к матери и постоянно ей хамила. Она грубила Валерии, Милу доводила до слез, а когда появлялся Лёшка, так успевала раздражить его своими ехидными подковырками, что он просто лез на стенку: чертова девчонка! И вот – пожалуйста... И ведь сама! Сама, дура, ему рассказала, что девчонки в него влюблены, сама! Муся тогда только родилась, они жили у Валерии в Костроме – он писал новый семейный портрет и жаловался Марине на девчонок:

– Ну козы!

– А что они?

– Такой цирк устроили! Кира эта. Пришла. Порисовал. Все хорошо. Сестру, говорю, позови. Приходит. Смотрю – опять Кира! Переделась только.

– А ты их различаешь? Я-то изнутри вижу, они совсем разные, а внешне путаю.

– Да вижу, конечно. Издали не различу, а вблизи хорошо вижу – они и внешне разные...

В другой раз опять пришла Кира, Алексей сделал вид, что не понял, после сеанса сказал:

– А теперь сестру пришли!

– Опять Киру? Вы же ее рисовали?

– Милу позови!

– Я Мила!

Леший разозлился – вот нахальная девчонка:

– Нет, ты Кира. Что я, не вижу что ли!

– А вы с меня нас обеих напишите, мы все равно одинаковые.

– Ты мне, девочка, голову не морочь, я работаю. Вы совершенно разные. Так что – быстро за Милой. И вдвоем придите!

Но девчонка ни с места. Стоит, глаза сузила, только что не шипит.

– Или ты хочешь одна на картине быть, без Милы? Так и скажи.

Фырррр! Взвилась прямо! Но пошла, привела. Идет Мила, розовая вся. Она вообще застенчивая, он заметил. Усадил, показал, куда смотреть.

– А я тоже останусь, можно? – спросила Кира.

– Нельзя.

– А почему?

– Ты мне будешь мешать. И Милу будешь отвлекать. И без разговоров. Быстро ушла.

– А то что? Маме пожалуетесь?

– Могу и папе – хочешь?

– Нет...

– Я, детка, жаловаться не буду. Я тебя вот такой, как ты сейчас, в картину вставлю – надутую и капризную.

– Вы не станете!

- Почему это? Я художник, я так тебя вижу.
- Кир, ты иди, пожалуйста. Ничего, – робко сказала Мила.
- Ла-адно!

И ушла, как еще дверью не хлопнула. Вот характер! Но отца боялась – Алексей видел, она при нем была как шелковая.

Мила же чуть не плакала, пришлось сначала ее заговаривать всякими глупостями, пока не успокоилась. Наконец стала на него потихоньку взгляды бросать, улыбаться...

Марина слушала Лёшкины рассказы и думала: «Вот ведь художник, все видит. Двойняшек различает. А что они в него влюблены обе, не замечает. Сказать ему или не говорить?»

- Лёш, а ты знаешь, в чем дело-то? Мила влюбилась в тебя.
- Да перестань. Она ребенок.
- И Кира тоже, у них все одинаково, но та бойкая, а Мила стесняется.
- Марин, ну что ты говоришь. Они мне в дочери годятся.
- Самый возраст – им скоро четырнадцать. Я сама первый раз в двенадцать лет влюбилась.

– Нет, зря ты мне это сказала.

– А что? Соблазн велик?

– Ну ты думай все-таки, что говоришь. Соблазн! Я что, Гумберт, что ли? Я на девочек как на дочек смотрю.

– Прости-прости-прости. Ну, прости. Я дура, пошутила неудачно. Конечно, конечно, ты никакой не Гумберт. Да и Мила – не Лолита. Вот Кира...

– Соблазн... Я когда их вижу, дочку вспоминаю, а ты говоришь – соблазн. Просто мне с Милой теперь неловко будет. Хорошо, дописать ее успел. Как мне с ними общаться-то?

– Лёш, я думала: сказать тебе – не сказать. Я могу сделать, чтобы ты забыл про это. Но мне кажется, так правильной, чтоб ты знал. А то ты мог, не зная ничего, случайно...

– Попасть по больному?

– Да. Ты только не дергайся, и все хорошо будет. Не напрягайся лишний раз. Как было, пусть так и будет. Ничего, перерастут постепенно.

От воспоминаний Марине стало еще хуже: «Как он мог? Как мог забыть все, что было? И как я буду жить без него, как? А дети? Просто не дай ему уйти... Господи, пусть только вернется, я все прощу. Подумаешь, даже если что и было – один раз не считается, это случайность, с кем не бывает... Самолеты сбиваются с пути. Может, и не было ничего особенного... Поцеловались, наверное, только и всего...»

Но знала, чувствовала – было, было. И лезли в глаза картинки, как он целует эту Киру, как они... Такая боль, такая тоска сразу же наваливались на Марину, что воздух леденел вокруг. И ведь соврал ей в глаза – значит, это было у него серьезно. И не один раз. И не случайность. Она даже знала, когда началось: в мае! Именно тогда Лёшка начал как-то ускользать от нее – вроде бы он тут, а вроде бы и нет. А ведь она верила ему! Думала: «Если что, первая замечу – раньше, чем он сам поймет. Чем я была так занята, чем? Как пропустила все это?»

Чем! Детьми, домом, работой... Больше всего – детьми. Еще когда родилась Муся, она заметила, что луч ее внутреннего «фонарика» переместился с Лешего на малышку, а уж когда появился Ванька! Ванька показал им, что такое настоящий младенец. С Мусей не было никаких хлопот, а Ванька орал с утра до ночи, успокаиваясь только на руках у Марины – и ладно бы, что-то не в порядке было, так нет, Марина это видела. Орал просто от избытка сил. Говорить начал поздно, но прекрасно умел всего добиваться криком, а пошел рано – Марина только и бегала за ним по квартире, потому что он не сидел на месте. Лариса Львовна качала головой – вылитый Лёшка! Такой же был конец света. Отца Ванька доводил до белого каления, Марина же хохотала: настолько они были похожи по своим повадкам, даром, что мастью разные – одинаково сдвигали брови, одинаково опускали, набычившись, голову и даже сопели одинаково.

Муся была совсем другая – миниатюрная и очень серьезная, хотя и кокетливая маленькая женщина: вся какая-то складненькая, хотя и хрупкая, с карими глазами-вишнями и непослушными черными кудрями. Она рано начала говорить, и взрослые всегда умилялись, что такое крошечное существо лепечет что-то вполне вразумительное. Когда она родилась, Леший боялся даже взять ее на руки – уж очень маленькой оказалась их долгожданная Муся! Тогда чуть не поссорились из-за имени – Лёшка хотел назвать ее тоже Мариной, но в конце концов согласился на Марью.

– Ты подумай, – уговаривала Марина, – сколько уменьшительных имен: Маша, Маруся, Маня, Марька. А полностью как красиво – Злотникова Марья Алексеевна!

Лёшка развеселился – не имя, а цитата из «Горя от ума»: «Ах, боже мой, что будет говорить княгиня Марья Алексевна». Лёшка обожал свою «княгиню» и с умилением любовался:

– Ты знаешь, когда на нее смотрю, мне аж щекотно!

– Где тебе щекотно?

– В душе...

Лешему редко удавалось вволю пообщаться с детьми, так он был все время занят, но стоило ему только появиться, как дети повисали на нем в полном восторге – только и слышно было: «Папа!» Марина вдруг вспомнила, как они с Мусей устроили папе сюрприз: малышка захотела учиться музыке, и непременно на скрипке. Несмотря на хрупкость и нежность, Муся обладала сильной волей и от обожающих ее взрослых всегда добивалась того, чего хотела. Лёшка, как всегда, все пропустил, а Муся усердно занималась и доводила домашних, особенно Ваньку, до иступления, извлекая невыразимо скрипучие звуки из самого маленького инструмента, который им только удалось найти. Учительница была невысокого мнения о Мусиных способностях, да Марина и сама видела, но ребенок так старался: «Вот папа приедет, я ему сыграю!» Зная Мусю, Марина надеялась, что после того, как папа послушает, весь интерес к скрипке пропадет и она увлечется чем-нибудь другим, возможно, более тихим. Папа, наконец, приехал – Марина присела на край ванны, где он, совершенно зеленый от усталости, отмокал после многочасового перелета из Японии:

– А у нас с Мусей для тебя сюрприз есть.

– Сюрприз?

– Ты вот не знаешь, папочка, а мы научились на скрипке играть! – засмеялась Марина.

– На скрипке? Господи. Да у нее же слуха нет...

– Зато сколько усердия! Так что тебе предстоит концерт. Завтра ты будешь дома?

– Буду, конечно. Я только прилетел – а ты хочешь, чтобы я опять куда-то...

– Я-то совсем не хочу, но я же не знаю, какие у великого художника планы. Ай!

Лёшка брызнул в ее сторону водой:

– Слушай, а что-то мы с тобой никогда не занимались этим делом в ванне? Или под душем? Как в кино.

– Ишь, размечтался!

– А романтично! Ты ж любишь романтику? Надо сделать джакузи.

– Вот только джакузи нам и не хватает! Все остальное у нас уже есть, только джакузи...

– Ну, представляешь – вода булькает...

– Да ты до постели-то добраться не можешь. Булькает у него! Нет, ты подумай, джакузи ему подавай! Готовься лучше к завтрашнему концерту.

Концерт был настоящий – Марина расставила стулья полукругом, все торжественно сели – все, кроме Вани, который категорически отказался слушать, и его отправили под присмотр няни, а Юлечке с Аркашей и многострадальной Ксении Викентьевне, которая и так больше всех слушала Мусину скрипку, пришлось-таки участвовать.

– Я вас только умоляю: не смейтесь. – Марина серьезно всех оглядела. – Я понимаю, это испытание, но пожалуйста. А то Муся обидится.

Серьезная Муся в нарядном бархатном платье с кружевным воротничком торжественно вышла на середину, приладила скрипочку и повела смычком – Марина взяла Лешего за руку, увидев, как он страдальчески поднял брови. Марина сама еле удерживалась от смеха, у Аркаши тряслись плечи, даже терпеливая Юлечка с трудом сохраняла на лице серьезное выражение. Юная скрипачка закончила, важно поклонилась, получила все приличествующие случаю аплодисменты, похвалы и поцелуи и спросила:

– Папа, тебе понравилось?

– Ты мое чудо!

Гостей пригласили выпить чаю, а Леший пропал. И когда Марина нашла его в спальне, он рыдал от смеха, валяясь на постели:

– Господи! Еле выжил! А вид-то какой серьезный!

Марина тоже захохотала и бросилась к нему в объятия...

«А ведь это был последний счастливый день!» – подумала она. Точно, конец апреля, потом все и началось, в мае. А в июне они впервые в жизни поссорились всерьез, по-настоящему. Конечно, они ругались и до этого! Но это был своего рода театр – Марина прекрасно понимала, что Лешему нужно время от времени «спустить пар», поорать вволю, и кончалось все обычно смехом и страстным примирением. А в тот раз...

«И ведь рассказать кому – не поверят!» – уныло думала она, лежа без сна и без Лёшки под боком: он ушел спать в мастерскую. Никто не поверит, что поссорились они... из-за живописи Николая Фешина! Фешин был вторым Лёшкиным кумиром – после Врубеля. Везде, где бывал, он старался увидеть фешинские картины, покупал альбомы, репродукция *портрета* Вари Адоратской висела у него в мастерской на стене, а когда был в Америке, специально потащился в Нью-Мексико – в Таос, где находился дом Фешина. Марина честно рассматривала альбомы и каталоги, пытаясь понять, что так волнует Лёшку, но он говорил – бесполезно! Надо смотреть оригиналы.

Однажды увлекся и произнес целую речь:

– В репродукции все плоско, а у него фактура – как бушующее море, ураган, стихийное бедствие! Я сам художник, а понять не могу, как и чем он писал: кистью, мастихином, пальцами? Вот эта картинка, смотри: она не передает НИЧЕГО! Ничего, кроме композиции и цвета – цвет относительный, конечно. Вроде бы мешанина красок, как ты говоришь, но нет: все невероятно точно и продуманно. И вдруг из этого красочного месива проявляется прекрасное девичье лицо – отрешенное, печальное, потустороннее... Ты знаешь, мне кажется, Фешина подделать, скопировать – невозможно. Рисунок, композиция, тон, цвет – это да. Но повторить это яростное безумство красочного мазка – то вдоль, то поперек полотна, то по диагонали – невозможно! Он словно... вырывается с поверхности в другое измерение. Вот, посмотри: портрет Лепилова. Здесь, в книжке, он просто никакой, а живьем – я видел в Русском музее – это такой пир черного цвета! Масса оттенков! Как написан этот черный пиджак – это надо видеть. Надо долго рассматривать. По этому пиджаку надо путешествовать, экскурсии водить! А обнаженные Фешина? Он их не щадит, не стилизует под всяких сильфидок и венерок – они все живые, мясистые, со складками, но это не кустодиевский пышный зефир и мармелад. Это именно мясо – плоть, жаркая и желанная. Вот эта, смотри, написана этюдно, даже не дописана, и вблизи она... словно наспех слеплена из теста, а издали – светится, тает! Живет! А эта – из Третьяковки – сделана совсем иначе! Вообще особняком, единственная такая: никакого бушующего моря, никакой пастозности – тонкие лессировки, сквозь которые грунт виден и рисунок просвечивает, а энергичный мазок только по волосам и фону. Как, почти без краски, сделал он это живое, дышащее, прекрасное и бесстыдное женское тело?! Как?»

И вот теперь Злотников из Нижнего Новгорода, где проходила его персональная выставка, съездил в Казань, где было большое собрание работ Фешина – его пустили в запасники и он вернулся, полный впечатлений: еще бы, держал в руках картины кумира! Сначала

ничто не предвещало ссоры, наоборот – Марине показалось, что возвращается прежнее. Лёшка увлеченно размахивал руками, рассказывая о потрясшем его фешинском портрете Ленина:

– Фешин его успел в восемнадцатом году написать. Еще у него Луначарский есть и даже Карл Маркс, но я не видел никогда. Ты знаешь, это самый поразительный портрет Ленина! А мы ведь столько насмотрелись – с детства. Во-первых, он явно рыжий, Ленин-то! Волос мало, но – рыжие. Во-вторых – такой взгляд, убийственный просто! Прищурился и глядит, следит за тобой. А рука! Рука – краб, рука – паук. И плотоядно выпяченная нижняя губа. Такой мрачной энергетикой веет – какой там добренький дедушка Ленин с ласковым прищуром! Воля, и воля злобная, разрушительная – «до основанья, а затем...». Это не тот Ильич, что гладил по головам детей – а тот, что расстрелы подписывал! Патронов не жалеть! Да, Фешин – гений!

Потом надолго замолчал, отвернувшись, и мрачно добавил:

– А моя живопись – дерьмо собачье.

Марина так и ахнула:

– Лёш, ты что? С ума сошел? Как ты можешь так говорить? Ты же... Ты художник с мировым именем, ты...

– Я! – заорал он вдруг, но, опомнившись, перешел на шепот: – Я продался, как последняя сволочь! Все на продажу! Я хватаюсь за любую работу, делаю, что предлагают, потому что... Потому что вас всех надо тянуть! Как последний ишак, тащу этот воз! Я своего не писал уже сто лет ничего! Потому что времени нет, мне передохнуть некогда! Все зря...

– Лёш, о чем ты говоришь?

– О чем? О том! Вон, твой поэт правильно сказал: «Как обидно – чудным даром, Божьим даром обладать, зная, что растратишь даром золотую благодать. И не только зря растратишь, жемчуг свиньям раздаря, но еще к нему доплатишь жизнь, погубленную зря!»³

– Но ты же занимаешься любимым делом. – Марина начала злиться. – И я всегда тебе говорила: нам достаточно самого малого и незачем так надрывать. Мне самой вообще ничего не надо – куда мне ходить в твоих бриллиантах? В магазин? Чем ты плохо живешь? У меня-то вообще никакой жизни нет! Ты хоть ездешь по миру, а я мечусь между детской и кухней, и все! Где моя жизнь?

Они кричали друг на друга страшным шепотом, даже в пылу ссоры помня о детях и бабушке – не дай бог услышат! Кричали, обвиняя друг друга в равнодушии, непонимании, эгоизме, и Марина искренне недоумевала, почему он внезапно так взъелся на нее, хотя она старалась изо всех сил облегчить ему жизнь! Марина знала, что он один работает на всю семью, и освободила его ото всех забот: по дому Леший не делал вообще ничего – только рисовал, обдумывал свои замыслы или отдыхал и играл с детьми. Все остальное должна была решать Марина. И вот теперь он говорил, что все зря?!

– А, тебе не понять! – Лёшка махнул на Марину рукой, и она вдруг ужасно обиделась:

– Конеч-ечно, где уж мне! Ты у нас гений! А мы – хомут на шее, да?

И ушла, хлопнув дверью. Марина не спала ночь. На следующий день сама пошла к мужу мириться, что было не в ее правилах, даже просила прощения – что-то слишком страшное было в этой ссоре и в том отчуждении, что образовалось между ними потом. Но так толком и не помирились – Лёшка опять махнул рукой, довольно равнодушно:

– А, ладно! Что тут говорить...

И только теперь Марина поняла, что именно тогда Леший начал обрывать концы – сознательно или подсознательно пытаясь взвалить на Марину ответственность за будущий возможный разрыв:

– Это ты виновата, ты никогда меня не понимала, мы разные люди!

³ Стихи Георгия Иванова.

Классика! И осознав это, Марина зарыдала в голос, так что Лариса Львовна, которая тревожно прислушивалась под дверь, испуганно схватилась за сердце: она давно видела – что-то неладно. Но разве у них спросишь – все нормально и весь ответ. Она даже подозревала, в чем дело – и то удивлялась, помня бурную молодость сына, как долго он продержался. Эх, мужики! Счастья своего не ценят.

А Леший и сам не понимал, как это с ним случилось. Когда Марина ему рассказала про влюбленных в него близняшек, он только смутился, и все. Дети же! А тут Валерия попросила его написать девочек – восемнадцать лет, такой возраст, самый расцвет.

Он поехал к ним на майские праздники, увидел девочек и обомлел: какие красавицы стали! Одевались уже каждая по-своему, Мила постриглась коротко. Совсем разные стали. Он начал их писать – то вместе, то порознь. Заметил, что между ними черная кошка пробежала: почти не разговаривают, Кира сестру все время дразнит, Мила ходит мрачная. Какие-то гости еще были, девочки-мальчики. Увидел раз – Кира целуется в кустах с высоким мальчишкой. Заметила Лешего и в глаза ему уставилась, а сама парня целует, вот ведь поганка! Потом в бассейне плавали – она подныривала, за ноги хватала. Потом еще что-то. И все время дразнила: то розовым язычком губы облизнет, то банан ест так, что глаза в пору отвести. Он сначала посмеивался: фильмов насмотрелась, не иначе. Потом стал слегка заводиться. А потом она его поцеловала – во время сеанса. Заявилась в таком платье, что все насквозь видно, он только головой покачал:

– Ты бы еще голая пришла!

– Голая? Легко!

Раз – и скинула. Прижалась всем телом, поцеловала. Он ответил. Надо было сразу уехать. Надо было! Не уехал. Подумал: «Да ладно, что такого? Всего-то один поцелуй. Так, баловство!» А ночью она влезла к нему в окно, скользнула под одеяло – голенькая, горячая, полная страсти. Надо было сразу встать, выйти, уехать тут же. Хоть пешком уйти. Не ушел. Попытался свести все к шутке, к игре, потом наоборот – рассердился, но она не слушала ничего и все целовала его жаркими губами, куда придется. Было что-то фарсовое, слегка унижительное в этой вывернутой наизнанку ситуации. А Кира смеялась, сверкая в полутьме острыми зубками.

– Ты же хочешь меня, я вижу.

В какой-то момент он просто устал отводить ее тонкие цепкие руки. Она сидела верхом у него на животе, и он чувствовал кожей ее горячее влажное прикосновение.

– Или ты думаешь, я не умею?

Можно еще было стряхнуть ее с себя, отшвырнуть и уйти, а он, тяжело дыша, все медлил и медлил. Она, глядя ему в глаза, стала потихоньку отодвигаться назад, сползая к ногам, а потом склонила голову и дерзким языком прошлась по напряженной плоти. Все, конец. И ведь умеет, ничего не скажешь. Где только успела научиться? Он хотел уехать сразу же, утром. И не уехал. Сжег мосты – все, ничего назад не вернешь. Кира! Такая юная, свежая, такая доступная! Хорошо, что Валерия в это время была в Москве – она бы их вмиг раскусила. Анатолий, муж Валерии, был дома, но он – что был, что нет. Хотя вот уж он-то, если бы узнал, просто убил бы. «Да я сам убил бы! – мрачно думал Леший. – Если бы с моей дочерью такое случилось...» И все равно не смог остановиться. Валерии не было, но Мила! Мила все видела. Позировать больше не приходила:

– Ревнует! – сказала Кира, он и поверил.

Мила случайно видела его – сворачивала в сторону. Но однажды подошла:

– Вы! Как вам только не стыдно! Я думала, вы особенный, а вы... как все.

Он нахмурился, но не стал вдумываться, не до того было.

Уезжал как в лихорадке, боялся, что Марина почувствует. Нет, ничего, обошлось. И так показалось дома скучно, пресно, привычно, тошно – не жизнь, а тапки разношенные. Потом

писатель безумный объявился. Марина на этого придурка Засыпочкина отвлекалась, и он подыгрывал: хмурил брови, сердился, изображал ревность. Хотя его и в самом деле раздражало, что она с ним возится – нашелся гений! А еще его раздражала домашняя суета, мать, следившая за ним с подозрением, и даже то, что Марина ничего не замечала! Или это ему только казалось? А иногда думал: может, ей все равно?! Жил, как пополам рвался.

А потом настал тот страшный день, когда увидел испуганную до обморока Марину и ублюдка с ножом. Чуть не застрелил сгоряча! Но как-то не прочувствовал до конца, что могло быть с Мариной, если бы он вовремя не вернулся домой. А с детьми? Словно это не на самом деле было, а так, кино. И улаживая все это дело, он еще и раздражался, что зря уходит драгоценное время, которое он мог бы провести с Кирой. Потом проснулся среди ночи от крика Марины: «Лёша, не убивай его, не убивай!» И опомнился, подумал: «Боже ж, она же не из-за себя – из-за меня мучается. Не о том думает, что могла сама погибнуть, а о том, что я мог этого козла застрелить! Что я делаю?»

Умом, сердцем понимал – надо прекратить. Но стоило вспомнить Киру – ее длинные ноги, струящиеся светлые волосы, горячие губы, маленькую грудь с розовыми сосками, перламутровую кожу, тонкие, ловкие руки с длинными пальцами – ноготочки лопаточками, такие невинные, детские, с белыми кантиками! – забывал обо всем, себя не помнил. Подсел, как на наркотик. Что-то мучительно болезненное было в их тайной близости, постыдное, и оттого особенно жгучее. А ведь даже не покраснел, когда Марине соврал, что не спали. Формально – да. Берег ее. Но все остальное...

С самого первого раза, с того поцелуя не оставляло его ощущение непрерывного и безнадежного падения в бездну. Что бы он ни делал: рисовал, играл с детьми, ел, спал, ехал в машине; с кем бы он ни был: с Мариной, с Кирой, с кем угодно – он летел вниз, вниз и вниз, как врубелевский Демон со сломанными крыльями, кувыряясь и ударяясь о камни.

И не мог понять, как, каким образом он, патологически не выносивший никакой лжи и сам не умеющий врать, оказался вдруг втянут в этот морок обмана. И не знал – случайно ли, намеренно ли оставил портрет на виду. А может, специально? Чтобы само все решилось? Положился на судьбу, потому что не мог дальше жить во лжи. На какую судьбу? На Марину! Пусть, думал, она решит как-нибудь. Но – не вышло.

И вот теперь он висел на тонкой нитке над бездной. Думал, что же делать: то ли обрезать к чертовой матери эту нить и разбиться наконец вдребезги, то ли карабкаться по ней вверх, обдирая в кровь ладони?

Эх, если бы... Вот если бы можно было все оставить, как есть! Каким-то чудом сохранить их обеих! Где-то в самом дальнем и темном закоулке души у него теплилась наивная надежда, что Марина закроет глаза, разрешит ему это маленькое удовольствие! Да что такого: подумаешь – физиология! Любит-то он Марину! Но она ясно дала понять: не потерпит. Леший попытался представить себя без Марины – получалось плохо. Их совместная жизнь виделась ему большим и уютным домом, который они возводили вместе с первого кирпичика. И вот теперь, когда все так ладно получилось, когда у очага играли дети, он должен все оставить? Лёшка вспомнил, как по молодости лет ходил на работу: джинсы, рубашка и кисточка в нагрудном кармане – «Вот так и уйдешь! – сказал он себе. – А Марина найдет другого».

Другого! При этой мысли у него вскипала кровь: какого еще другого? Как может кто-то другой занять его место? Все в семье всегда вертелось вокруг него – так устроила Марина, теперь он это ясно понимал. Если сам он был как бы камнем, из которого сложен их общий дом, то Марина – связующий раствор. «Папа сказал, папа разрешил, папа запретил, спросим у папы» – так было поставлено дело. «Папа работает, папа отдыхает» – это святое! «Папа уехал, но скоро вернется» – и всеобщий вопль радости: «Папа приехал!» И такой же восторг: «Папа будет петь!» Или – «Папа готовит!» Лёшка изо всего умел устроить целое представление: рассказывал ли о своих поездках, рисовал ли вместе с детьми или вдруг затевал какого-нибудь гуся

с яблоками. Он был отец-праздник. А будни доставались Марине. Детские сопли и капризы, каши и компоты, ботиночки и пальтишки, куклы-машинки, стирки-уборки – забот хватало, несмотря на бабушку и Ксению Викентьевну. Марина читала детям вслух, рассказывала сказки на ночь, а когда чуть подросли, стала водить их по зоопаркам и музеям. Она устраивала грандиозные семейные праздники, целые спектакли, в которых принимали участие и Юля с Митей-Козьявкиным: писала сценарии, делала вместе с детьми декорации, а Леший, появившийся в последнюю минуту, вносил радостную суматоху и импровизировал на ходу... И все это он должен оставить?

Леший уныло поплелся домой – пешком по лестнице. Шел и вспоминал, как поднимался по другой лестнице в другой дом после их первой ссоры. Правда, тогда бегом бежал. И чудом нашел дом – Марина сама привела, плачем своим, который он слышал! Остановился на площадке третьего этажа, нахмурился... А ведь сейчас, недавно – то же самое было. Когда этот псих с ножом появился. Он тогда совсем не в Костроме был, а в Москве, с Киной. И вдруг его словно подняло что-то, такая тревога зазвенела в душе. Рванул домой, Кира даже обиделась. А ведь это Марина позвала! И так мелко, глупо, пошло показалось вдруг ему все то сладкое, дурманное, острое, жгучее, чем заманивала и держала его Кира. Девочка, куколка, конфетка. На сладкое дурака потянуло!

Марина...

И вдруг, отматываясь назад, как кинолента, понеслась перед глазами Алексея их с Мариной общая жизнь: вот она Ваньку рождает при нем, а он в обморок валится; вот Мусю кормит на терраске, освещенной вечерним солнцем; вот плывет к нему королевой сквозь толпу людей на выставке...

Вспомнил, как любили друг друга впервые и оба тряслись от страха...

Как Марина за одну ночь преобразилась, осознав свою силу...

Вновь услышал, как течет сквозь его сознание ручеек ее беззвучных слов: «Милый мой, желанный, счастье мое!»

И как он «Ангела Надежды» написал – а ведь без Марины и не смог бы!

Омут вспомнил, из которого Марину вытаскивал – и поежился: черная вода, вязкая, жадная, хватает скользкими ледяными руками, тащит вниз, лезет в горло, и воздуха почти больше нет... А сквозь черноту – бледное сияние, как от луны. Это – Марина. Это ее лицо светится. Холодное, мертвое – на самом дне... Увидел опять ее белую с синевой кожу с пупырышками смертного озноба... Услышал, как страшно она кричит, почувствовал, как вцепилась в него, словно пытается спрятаться... Сквозь тонкий свитер почувствовал ладонью ее лопатки, словно прорезавшиеся неоперенные крылышки...

Сухановский парк тоже вспомнил: как стояли под липой, мучаясь от почти нестерпимого желания... И как он струсил, не осмелился... Устоял!

И Татьянин день, и «Утро туманное», что пели вместе с Мариной, и свою первую выставку, на которой приоткрылось им общее будущее, – все вспомнил, пока стоял на площадке. Горло перехватило от мучительной нежности: моя маленькая!

И вдруг совсем опомнился – что же я делаю?

Как же я собираюсь без нее жить?

Что от меня останется – без Марины?

И побежал вверх по лестнице. Вошел, задыхаясь – тишина, все спят. Открыл дверь в спальню. Лампа горит у кровати, Марина лежит, одетая, на покрывале. Потом медленно, как старуха, поднялась и села. Ужаснулся – лицо осунулось, черные тени под глазами. Подошел, стал на колени, голову опустил:

– Марина...

Она взяла его за волосы, потянула резко назад, чтобы увидеть лицо – он даже не поморщился, другая боль была сильнее. Всмотривалась, не веря.

Он сказал:

– Ты – моя женщина.

И почувствовал, как Марина обмякла и стала наваливаться на него – господи, да она чуть не в обмороке! Подхватил, обнял:

– Ну прости, прости, прости меня! Прости...

– Ты не уйдешь?

– Как же я уйду, что ты!

– А то я не могу жить без тебя...

– Ты представляешь, оказалось – я тоже без тебя не могу. Вот ужас-то, да?

И она засмеялась сквозь слезы.

– Маленькая моя! А ты ела тут что-нибудь?

– Я? Ела... наверное. Не помню.

– А дети как?

– Хорошо... Лёша? Ты... ты... Ты – правда?

– Все, все, все, больше ничего там не будет, ничего, никогда! Только ты, ты одна...

– Ты же говорил... что... ничего такого... еще и не было?

– Я соврал, прости. Испугался. Там... много чего было.

Марина села, оттолкнула его руку.

– Так сильно зажгла тебя девочка?

– Но самого главного не было!

– Главного? Так для тебя это – главное?

– Марина...

– Это – главное? Что ж остановился-то? Невинность ее поберег? Еще и гордишься этим? Давай медаль тебе выдам! Или жалеешь, что не тебе достанется? Что ж это за невинность такая, что к взрослому мужику в постель влезла! Она тебе в дочери годится, забыл?

– Марина...

– Что – Марина? И сколько это длилось?

– Недолго.

И правда, недолго. Несколько месяцев всего. Несколько месяцев – и вся жизнь.

– Как ты мог? Как ты мог! Как ты мог так со мной поступить, как ты мог. Я тебе верила.

Ты... ты говорил... у нас – настоящее.

– Марина...

– После всего, что с нами было. Зачем? Зачем ты меня из омуты вытаскивал? Чтобы обратно бросить? Как ты мог? – Марина вскочила и убежала.

Алексей лежал, глядя в потолок, на светлый круг от лампы. Потом уткнулся в подушку и взвыл. А Марина стояла на кухне, уставившись в открытый холодильник, не понимая, зачем пришла сюда, что ей надо? Закрыла, пометалась по кухне, беспорядочно хлопая дверцами шкафов, выдвигая ящики. «Господи, – думала, – как жить, как жить дальше? Знала же, знала! И ведь тогда еще видно было, что врет – так быстро произнес это «нет» и глаза отвел. Поверила, дура. Нет – захотела поверить. Потому что иначе... Потому что иначе надо было сразу оборвать, а я не смогла бы. А теперь? Как забыть?»

Марина открыла ящик со всякими ложками-вилками, холодно блеснувшими металлом. Достала короткий нож, долго смотрела на него, потом с силой сжала ладонью острое лезвие, прорезав руку чуть не до кости. Потекла кровь. Физическая боль уменьшила боль душевную, и стало легче. Сунув ладонь под кран, она смотрела, как стекает вода, смывая кровь и делаясь постепенно совсем прозрачной, как затягивается страшная рана на ладони.

«Все. Ладно, надо жить. Он выбрал меня, я его приняла. Теперь надо забыть и жить дальше».

Когда Марина вернулась, в спальне никого не было. Постояла на пороге, чувствуя, как дрожит все внутри, и пошла по квартире. Мастерская, ванная, гостиная... Ну конечно, как она не догадалась! Леший стоял посреди детской. В свете ночника было видно, как Муся спит, обнявшись с любимой куклой, а Ванька опять весь раскрылся. Марина подошла, поправила одеяло, поцеловала сына в тугую щечку. Полюбовалась на Мусю – господи, как на отца-то похожа, копия. Только маленькая, как Дюймовочка, Ванька ее перерастет скоро. Оглянулась на Лёшку – лицо ладонями закрыл, а плечи трясутся. Подошла, взяла за руку – пойдем, поздно. Спать пора.

Лежали в одной постели, не касаясь друг друга. Рядом – а как на разных континентах. «Хорошо хоть спиной не повернулась», – думал Лёшка. Ему казалось, если он сейчас протянет руку, не сможет коснуться Марины, сколько бы ни тянулась, вырастая, рука – хоть на километр. Никогда Ахиллу не догнать черепаху.

После завтрака мать позвала – зайди-ка. Пошел, зная, что его ждет.

– Что там у вас с Мариной?

– Мам, все нормально.

– Алексей, я не слепая еще. И не глухая.

– Ну...

– Что, говори?

– Я... изменил ей.

И зажмурился. От затрешины зазвенело в ушах.

– Ах ты, сукин кот! У тебя дети, ты забыл?

– Мам, мне стыдно.

– Стыдно ему!

– Прости меня, мам!

– Это ты у жены прощения проси, я при чем?

– Марина меня... приняла.

– Приняла! Ради детей приняла. Еле выжила эту неделю. Иди уж, ладно. Вымаливай теперь прощенье. Что, больно ударила?

– Больно.

– Мало тебе! Иди.

Мало. Подумал: «Господи, пусть бы Марина так ударила, пусть бы кричала на него, тарелки била, что угодно – лишь бы простила, лишь бы все стало как раньше, а ведь сам во всем виноват, сам все порушил, сам. Самому и чинить надо. Давай, думай, зря, что ли, реставратором когда-то был, что угодно мог починить. Однажды на спор разбитую скорлупу яйца так склеил, что шовчика заметно не было, а тут – как склеишь, как?..»

Работать он не мог. Целыми днями занимался детьми, играл с ними, книжки читал, рисовал смешные картинки, гулять ходил за компанию. И постепенно Марина стала смягчаться: то волосы ему взъерошит, то руку на плечо положит, а потом, в коридоре, даже поцеловались – так осторожно, что самым смешно стало, и на миг вернулось все прежнее, как будто ничего не было, никакой Киры не существовало. И тут же раздался звонок телефонный, и еще не сняв трубку, Леший знал, кто звонит, и Марина знала, и повернулась, и ушла в глубь квартиры.

Алексей нашел ее на лоджии. Покосилась, спросила:

– Что, доложить пришел? – сурово так, как будто и не было никакого поцелуя в полутьме коридора.

– Марин, я не сказал ей пока ничего. Это нельзя по телефону, понимаешь, она звонить начнет или приедет. – И чуть было не сказал: я ее знаю, но тут же прикусил язык.

– Пусть только попробует. Ну и когда же ты ей сообщишь?

– Я... не готов пока.

А, черт! Не так сказал.

– Что значит – не готов? Все раздумываешь, что ли?

– Нет, Марин, я же сказал, что там – все! Ну не справлюсь я сейчас.

– Не справится он. А раньше-то, похоже, хорошо справлялся. – И ушла.

Он постоял, сжимая кулаки. Выругался: «Что б тебе трижды двадцать пять через колоду!» Побродил по квартире, неприкаянный, зашел к матери – та вязала что-то маленькое, разноцветное.

– Это что такое ты делаешь?

– Носочки Ванечке. Что ты вздыхаешь? Плохо?

– Плохо, мать.

– Терпи. Ничего сразу не бывает.

– А вдруг... вдруг она меня никогда не простит?!

– Простит! Любит она тебя, дурака.

– Правда? Ты откуда знаешь?

– Да она сама сказала. Я в ванную зашла, она там плачет. Ну и... поплакали вместе. Я прощения просила, что так плохо сына воспитала.

– Мама...

– Вот тебе и мама. Наладится, ничего. А ты, видно, плохо стараешься – не можешь, что ли, поласковой с ней быть, ночь-то тебе на что?

– Ну мам, что ты со мной о таком говоришь!

– Да ладно, большой уже мальчик. Седой вон, а ума нет.

– Мам, а у вас с отцом?.. – И тут же, опомнившись: – Нет, не говори!

– Ничего такого, о чем бы я знала. А чего я не знала, того и не было.

Чего не знаешь – того не существует? И задумался: может, зря? Не надо было ничего говорить? А он и не говорил – она на портрет посмотрела и сама поняла. Да и не смог бы он так жить, во лжи. Вспомнил Маринино четверостишие – когда-то, давно, она ему свои стихи давала почитать. Как там у нее: «Живу во лжи, как перепел во ржи, и привыкаю ходить по краю чужой межи...» Как перепел во ржи. А вот жила же! Пять лет прожила на чужой меже, а теперь!

Потом ему стало стыдно, что пытается свою вину на Марину переложить. Она-то никому не изменяла. Это они – что Дымарик, что он...

Самым ужасным было то, что после телефонного звонка Кира, которая превратилась было в некое отвлеченное зло, словно материализовалась, и Леший теперь все время дергался, заслышав звонок телефона, да и дверь открывал с опаской. В самые неподходящие моменты возникала перед ним коварная девчонка, и чем больше он старался избавиться от наваждения, тем назойливей мерцало перед ним бледное нагое тело и лицо с дразнящей усмешкой. И это тогда, когда с Мариной дело пошло на лад!

Однажды ночью, придя из мастерской, он почувствовал: что-то изменилось. Не так широк показался ему разделявший их океан, пожалуй, можно дотянуться! Осторожно взял руку Марины, поднес к губам – пальцы мелко дрожали. Поцеловал, она руки не отняла, и он, перевернув тонкую кисть, долго целовал запястье, где бился, торопясь, горячий пульс. Потом поцеловал сгиб руки, шею, ключичную ямку, и, придвинувшись ближе и крепко сжав ее грудь с напрягшимся соском, жадно впился губами в приоткрытый рот, ловя движения языка. «Я на тебе, как на войне» – всплыла вдруг в памяти неизвестно откуда взявшаяся строчка. Точно, как на войне! Только это была война тихая, медленная – не яростная атака, а осторожное продвижение вперед по минному полю, и каждый настороженно прислушивался к себе и к другому: а что будет, если вот тут поцеловать? А здесь – дотронуться?

Но как ни старался Лёшка быть нежным и не спешить, ее родное тепло, запах и вкус так ударили ему в голову, что медлить не было никакой возможности. Но в самую последнюю неостановимую секунду всплыла перед ним, колеблясь, как бледное пламя свечи, Кира – отки-

нувшись на спинку кровати, бесстыдно-нагая, раздвинув согнутые в коленях длинные ноги, она сидела на одеяле и ела большой желтый персик, а сок стекал по подбородку...

Так и кончил, не зная, с кем он – с Мариной, с Кирой?

Ушел в душ и пропал. Марина видела и картинку, и Лёшкино смятение. Несмотря на мгновенную вспышку мучительной ревности, быстро, впрочем, прошедшей, ее разобрал истерический смех: так панически бежал Леший с поля боя, испугавшись бледного призрака этой девчонки, словно подглядывавшей за ними. И надо же было ей возникнуть так не вовремя! Марина в который раз за последнее время кляла свое проклятое видение – господи, жила бы, как все, знать ничего не знала, картинок никаких не видела, и Леший бы не дергался так. А не сама ли она и вызвала к жизни это привидение, вспомнив о сопернице в минуту своего торжества? В самую неподходящую минуту! Не выдержала, пошла за ним:

– Ты тут, часом, не утопился?

Леший сидел на бортике ванны. Насупился, молчал мрачно. Марина посмотрела на него сверху – сколько седых волос-то! Вот уж правда – бес в ребро. Но когда он поднял на нее красные – совсем больные! – глаза, она вдруг испугалась, что может и впрямь потерять его. Не потому, что уйдет от нее, а просто – уйдет навсегда, как Дымарик. Не выдержит, сломается. И сказала нежно:

– Пойдем спать, поздно. Забудь!

– Я бы забыл... Но ты же видишь – она, как осколок, застряла во мне.

«И во мне», – подумала Марина.

Часть 2. Разбор полетов

Невозможно вытащить себя за волосы из болота – а именно этим Марина и занималась. К единственному человеку, который мог помочь ей в этой бесконечной борьбе, – к Валерии! – обратиться было бы невысказано. Приходилось справляться самой, а получалось плохо: на ее собственную боль накладывалась Лёшкина, и получался замкнутый круг. Она металась в нем, как загнанная белка.

Она часто уходила в ванну, где горько плакала под заглушающий шум воды. Она боялась за Лешего, боялась его потерять. Она видела, как похожа на него черноглазая темнокудрая Муся, и Ванька – Ванька, ее собственная копия! – тоже был вылитый отец: так же ходил, так же садился, так же морщил лобик и сдвигал светлые брови, так же держал ложку. И опять принималась втихомолку плакать.

Ночью бессонница держала их обоих за горло, но они делали вид, что спят, а печальные мысли витали над ними, не рассеиваясь и не улетающая. Иногда Лёшка тихонько вставал и уходил в мастерскую, и тогда нагретая постель – ночи стояли жаркие – казалась Марине холодной, как лед. Потом она догадалась наводить на Лешего сон – он мгновенно проваливался в тягучее забытие, сквозь которое слышал иногда, как негромко плачет рядом Марина, но проснуться не мог. А ей так было легче: оставалась только собственная боль.

Она рассматривала Лешего и думала: «А он постарел – вон морщинки у глаз, и на лбу. Но все равно красивый, а я и забыла, присмотрелась, привыкла...» И, не касаясь, легко проводила пальцами надо лбом, над глазами – разглаживая морщинки, очерчивая брови, линию носа и губ, обводя скулы, шею и плечи. Один раз нечаянно прикоснулась, и он тут же, повернувшись во сне, привычно обнял ее, прижавшись всем телом – Марина попыталась тихонько освободиться, но он только сильнее обнял и уткнулся носом ей в плечо, положив руку на грудь. Остаток ночи она не спала, изнывая от желания, но даже этот жар не смог растопить ту ледяную стену, что стояла между ними.

Редкие моменты близости не делали их ближе, а словно разводили все дальше, настолько не похоже было это осторожное соитие на настоящую страсть. Имитация, подделка. Дожили! Разговоры у них не очень получались – оба боялись высказать все, что наболело, а Марина не раз срывалась – только было Леший пристроился с чувством ее поцеловать, как она оттолкнула его руку:

– Ну, скажи – чем? Чем она тебя взяла, чем держала? Что у нее такого есть, чего у меня нет? Ну – молодость, свежесть, понятно. Но таких – полно вокруг. Сексом? Что, минет хорошо делала?

Леший чудовищно покраснел и закрыл глаза, сморщившись, как от удара – не увидел, как по лицу Марины прошла легкая судорога.

– Марин, вот это действительно... удар ниже пояса! Давай, добивай меня. Господи, я и так не знаю, как жить от стыда...

– Ладно, прости. У меня воображение чересчур богатое – картинки сами в глаза лезут. Я представила, как она...

– Перестань!

– Так меня чуть не вырвало.

Леший посмотрел Марине прямо в глаза:

– Да, ты права. Этим и держала. Ничего духовного – душевного! – между нами не было, один голый секс. Физиология, как ты говорила.

– Что ж, выходит, я как женщина хуже?

– Марин, ну что ты говоришь. Ты... Ты одна такая, ты... Тебе равных нет.

– Равных нет... А что ж понесло тебя туда?

- Я не знаю.
 - Не знает он...
 - Ты, может, и не поверишь, но я на самом деле очень сильно мучился, правда.
 - Это ты мучился?
 - Марин, я понять не мог, что со мной! Она же мне никогда не нравилась, Кира эта. Ты же помнишь, как я заходилась от нее. Просто в ярость впадал.
 - Помню, конечно.
 - Марин, я ведь не бабник, ты знаешь. Я тебе никогда не изменял, я правду говорю.
 - Я знаю.
 - А у меня возможностей было – выше крыши. Ну, конечно, поиграть я люблю...
 - Это точно.
 - Но это все театр, игра на публику, а когда тебя рядом нет, мне и неинтересно.
 - Так ты меня дразнил, оказывается?
 - Конечно! Разве ты не знала? Ты же мне всегда подыгрывала! А тут... Марин, я не буду оправдываться: у меня всегда выбор был, с самого начала – видел, к чему дело движется. Но не хотел видеть. Не мог противостоять, понимаешь? Она меня как-то... не знаю...
 - Загипнотизировала, что ли? Как кролик – удава? Тьфу, удав – кролика?
 - Как кролик – удава, вот именно. Даже звучит смешно. Но я не искал с ней близости, правда. Я понимаю, как это выглядит: взрослый дяденька жалуется на маленькую девочку: это все она, я тут ни при чем, она сама пришла, она меня совратила! Самому противно, Марин, но так примерно и было. Я ей сопротивляться совершенно не мог. И оборвать не мог. Вообще допускать такого не должен был, но раз уж случилось, надо было сразу прекратить. А я... Когда домой ехал после первого раза – ты не представляешь, как я боялся! Думал: сейчас только дверь открою – и все, мне не жить. А ты...
 - А я и не заметила!
 - Да. Не заметила. Ты знаешь, меня это просто потрясло! Я, наверное, надеялся, что ты это сразу прекратишь...
 - Я, значит, виновата! Да ладно, шучу. Конечно, виновата. Похоже, я на тебя вообще не смотрела, даже просто – глазами. Значит, виновата. У меня одни дети на уме были. А потом, знаешь, это еще с самого начала пошло, когда я экспериментами чересчур увлеклась: я потом так отодвинулась, чтоб, не дай бог, к тебе в мысли ненароком не влезть, что перестаралась, похоже. Любая обычная женщина бы заметила: что-то неладно! А я со своим видением...
 - Ты знаешь, мне иногда даже казалось, что она тоже может, как вы с Валерией.
 - Да ладно!
 - Марин, ты не представляешь, как она меня держала. Я на тебя иногда ворчал – на поводке меня водишь. Это я, дурак, еще не знал, что такое настоящий поводок да жесткий ошейник. Так что ты меня спасла. Нас – спасла.
 - Интересно. Похоже, на самом деле умеет. Что же Валерия-то не видит?
 - Мне кажется, она научилась очень хорошо закрываться от матери. Как я Валерии боялся! Я ее за километр обходил! Кира ничего не боялась. Ты знаешь, я сейчас вроде как в себя пришел, а вспомню – вздрагиваю: как будто у нее в руках был пульт дистанционного управления! На кнопку нажмет, и все – уноси готовенького.
- Марина усмехнулась:
- Лёш, да это любая женщина может. Только одной это не нужно, а другая не умеет. Очень просто мужика с ума свести. У вас реакции прямые, непосредственные. Действительно, как кнопку нажать. Это к нам надо полями-огородами пробираться.
 - Вот давай ты мне расскажи про кнопки. Это откуда ж у тебя такие знания?
 - Из личного опыта!
 - Ага! На мне тренировалась?

– На ком же еще.

Они пытались улыбаться, глядя друг на друга, но лицо Лешего все еще горело, а у Марины никак не уходила из сердца обида. Все время вилась в голове, как назойливая муха, строчка: «Встала Обида в силах Дажбожа внука». Что это – «Слово о полку Игореве», когда-то на спор выученное наизусть? Встала Обида – встала и стоит, не уходит. Все ее раздражало, и однажды так взбесил страдальческий Лёшкин вид, что она вспылила:

– Знаешь что, возьми себя в руки, наконец. Что, я тебя еще и утешать должна? А то давай, я тебе изменю, может, тогда страдать перестанешь.

И Марина выскочила из спальни, хлопнув дверью, а Лёшка в ярости разбил зеркало, запустив в него будильником. Но уж лучше ярость, чем вечное уныние. И как тогда, в первый день, Марина металась по кухне в поисках ножа, так и теперь она металась – искала себе хоть что-то в помощь – и не находила. Здесь, в городе, было так мало помощников: худосочные, еле живые деревья не спасали, лунный свет бесполезно лился в душу, не очищая, и даже уличная кошка шарханулась от нее, как от прокаженной.

Однажды Марина зашла в церковь. Служба еще не началась, почти никого не было в храме. Две черные женщины за прилавком с образками и крестиками о чем-то раздраженно переговаривались, но, завидев Марину, примолкли. Купила свечи, расставила, как могла, подождала – но ни один образ не откликнулся на ее немой призыв. Спаситель смотрел строго, Богородица – печально. Слов молитвы она не помнила, стояла просто так: попыталась настроить душу и снова погрузиться в то облако светлой любви, которое накрыло ее когда-то в Кологривском храме, когда она второй раз поехала в Лёшкину деревню. Леший не хотел брать Марину с собой – именно там, в Афанасьево, она и прыгнула в омут реки Кенжи. Но Марина чувствовала, что ей нужно вернуться к омуту – чтобы вырваться из него навсегда...

Маленькая старушка ходила у нее за спиной, собирая огарки свечей, прошел молодой дьякон, помахивая паникадиллом, громко заговорили женщины, пришедшие подавать записки, другая старушка заворчала у нее за спиной:

– Ишь, стоит и лба не перекрестит! Ходют, басурманки, платка не повяжут!

Марина вздохнула и пошла к выходу: «Басурманка я, басурманка. Вот зачем Богу нужно, чтобы непременно в платке? Зачем?» Она присела тут же, в сквере, на скамейку. Долго сидела, размышляла, рассеянно гоня кончиком туфельки камушек – вспоминала последнюю поездку в Афанасьево, Кологривскую церковь, икону «Утоли моя печали» и отца Арсения, который помог ей разобраться в собственной душе, окончательно простить себя за смерть Дымарика и обрести понимание своего предназначения.

Подбежал голубь – смотрел то на нее, то на камушек, поворачивая голову набок. Потом прилетели два воробья. Марина порылась в сумке, нашла обломок печенья в бумажной салфетке – откуда он взялся? – стала крошить птицам. Голубь семенил на красных лапках, а шустрые воробьи успевали подлетать раньше, набрасывались на крошки.

Марина вдруг вспомнила, сколько раз сидела так в парке на Фрунзенской, поджидая Дымарика: «Надо же, как будто не со мной это было! Его жена нас там увидела, а мы и не знали. Или он знал, только мне не говорил? Как я могла в такой лжи жить! А ведь Светлана простила Дымарика и меня простила. А сколько лет она жила с этой тяжестью, с этой болью!..» Марина замерла, приоткрыв рот, она наблюдала за голубем, который топтался рядом, вытягивая шейку и прилаживаясь, как бы выхватить остаток печенья. «Так что же это получается? Теперь я – на месте Светланы. И мне надо... мне надо простить Киру?» Эта мысль смутила Марину: «Как это возможно?» При одном воспоминании о Кире ее охватывала яростная – до тошноты! – темная ревность.

Марина не понимала: как она могла не заметить того, что происходило у нее на глазах? Где было ее знаменитое видение? Почему она не чувствовала опасности – не поняла, что девочка давно выросла, и не считала Киру соперницей? Марина верила Лёшке: он никогда

сам не бегал за бабами, не искал приключений на свою голову – наоборот, избалованный с юности женским вниманием, был весьма разборчив, а после неудачной первой женитьбы стал и вовсе осторожен, хотя пококетничать любил. Иной раз он с хохотом рассказывал Марине о своих приключениях, а от одной заказчицы, всерьез решившей заполучить его, Марина даже его спасала.

Она в таких случаях делала королевский выход – школа Валерии не прошла даром, Лёшка так это и называл: давай, покажи им Валерию! Марина входила, и все мужчины тут же вставали – даже те, кто отродясь не поднимался при виде дамы. Лёшка, внутренне веселясь, представлял ее гостям: Марина подавала руку для поцелуя, а женщинам так улыбалась, окидывая их быстрым взглядом из-под длинных ресниц, которые ради такого случая даже красила, что редко кто из охотящихся за Лёшкой не чувствовал полную безнадежность своих попыток.

Она не делала ничего особенного, но любые переговоры с заказчиками проходили успешней, когда она на них присутствовала. Леший развлекался, наблюдая за тем, как напряженно следит за ее порхающей рукой лысоватый прижимистый немец: Марина, разговаривая с ним, делала вид, что хочет дотронуться до него, но так и не дотрагивалась. Однако немец вздрагивал, словно кожей чувствовал электрический разряд – а может, и правда чувствовал. «Колдунья, – думал Лёшка, любуясь Мариной, – русалка!» И подмигивал ей незаметно, а она, смеясь глазами, прикусывая губу, – в этот момент они оба вспоминали, как только пару часов назад Марина стонала в его объятиях.

Как, когда это произошло, что Леший перестал любоваться ею, перестал хватать в охапку и целовать? Когда последний раз они шептались в полумраке спальни – Марина смеялась, а он ласкал ее вздрагивающую от смеха грудь? Когда все между ними стало так обыденно, привычно и скучно, что понадобилась Кира, чтобы вспомнить былую страсть и нежность?

Марина жила, все время словно проверяя языком ямку во рту от вырванного зуба – болит? Не болит? Зажило? Нет, не заживало, болело. Не отпускало. Марина и раньше плохо справлялась с собой – она, которая одним прикосновением снимала чужую мигрень, сама порой сутками мучилась от головной боли, пока не помогало что-то постороннее, неожиданное, что подталкивало к выходу из замкнутого круга боли. Иногда это было стихотворение, иногда цветок, иногда звонкий голосок случайно залетевшей на балкон синицы. Марина знала, что от всего есть лекарство, надо только его найти – и не находила...

Пока Марина предавалась размышлениям, пошел дождь, и она, раскрыв зонтик, побежала к троллейбусной остановке – там на лавочке сидел высокий бородатый мужчина. Марина взглянула мельком, потом, нахмурясь, посмотрела пристальней: Арсений? Отец Арсений? Она не верила своим глазам – вот только что, какие-то полчаса назад она о нем думала! Арсений был в обычной одежде, а длинные волосы, завязанные в хвост, убрал под воротник, но все равно сразу было видно священника. «А поседел-то как! – подумала Марина, разглядывая его. – И мрачный...»

– Марина! – сказал отец Арсений и поднялся. – Марина Злотникова. Надо же. Рад вас видеть.

– Здравствуйте! Откуда вы в наших краях?

– Да вот, приехал по делам. Как вы поживаете?

– Спасибо, у меня все хорошо, – совершенно искренне ответила Марина, потом вспомнила про Лёшку: – Ну, почти хорошо. Так, неприятности небольшие. А я много думала о вас. Вы мне так помогли. И я... Вы знаете, что со мной случилось – там, в деревне? Не знаю, как это назвать... Я увидела... свет. – Лицо Марины озарилось улыбкой: она вспомнила свое невероятное переживание, когда на крутом берегу Кенжи все ее существо наполнилось Любовью и Светом, да так, что она едва не воспарила над землей!

– Рад за вас! И я вас вспоминал. Жаль, что нам больше не довелось пообщаться.

– Может быть, нам пойти куда-нибудь? Кофе выпьем, поговорим? Или... вы заняты, наверное?

– Нет, ничем я не занят.

– Послушайте! А пойдете к нам в гости? Правда, пойдете!

– Ну, пойдете. Спасибо.

– Вы надолго в Москву?

– Послезавтра уезжаю. Я тут... у родственников.

Марина чувствовала идущую от него волну черной тоски – что-то произошло с ним... с его ребенком? Он посмотрел, наконец, ей прямо в глаза – и Марина ужаснулась увиденному: боже, какое горе! И тут же представила, что было бы с Лёшкой, с ней самой, если бы – не дай бог! – что-то случилось с детьми. Сразу таким неважным показалось все то, что мучило ее в последнее время, таким несущественным.

У Арсения покраснело и сморщилось лицо, он заплакал, прикрывшись рукой, а Марина лихорадочно заметалась в поисках носового платка. «Почему у меня никогда его нет, почему?» Нашла пачечку бумажных, трясущимися руками вытащила один, стала совать Арсению. Она не знала, что делать: если бы он не был священником, давно бы уже обняла, чтобы утешить, а так... можно ли?

– Простите! Год прошел, а все никак...

– Да разве можно привыкнуть? Чем, чем я могу вам помочь?

– Уже помогаете. Спасибо! Вот заплакал с вами, а то и не с кем.

– А как?.. Даже спросить боюсь... Как матушка ваша?

– Плохо. Вот приехал, хотел узнать, как дело мое – я сразу прошение подал о переводе, но что-то не движется. Не может Наташа там больше жить, реку эту видеть не может, город. В Москву уехала, к матери. А мне тоскливо одному. Ей-то тяжелее, чем мне, я понимаю.

– Конечно, она мать.

– Да, мать. Но мне вера помогает, а она... Она-то и всегда больше в меня верила, чем в Бога, а теперь совсем...

– Ожесточилась?

– Да.

– А вы?.. Не ожесточились?

Арсений посмотрел на Марину.

– Вы же не думаете, что я служил Богу, надеясь на его особое ко мне отношение?

– Нет.

– От несчастья никто не застрахован, никто. Эх, если б нам удалось в другое место перебраться! А там все о нем напоминает, и река везде видна, куда ни пойдешь...

– Он... утонул?

– Да.

– А сколько ему было?

– Семь лет. Один у нас был, единственный. Наташа больше не может родить...

– Горе какое...

И Марина заплакала сама. Они так никуда и не ушли с этой лавочки – все сидели в стеклянном закутке, все говорили и говорили. Дождь прошел, троллейбусы подъезжали, с шипением раскрывали двери, кто-то входил-выходил, а они ничего не замечали.

– Совсем я вас заговорил, простите. У вас же дела, наверное.

– Нет, нет, ничего. Я все думаю, как бы помочь вам.

– Да чем тут можешь.

– Вы ведь не захотите, чтобы я с вами туда пошла?

– Куда?

– Ну, туда. Как это у вас называется? Управление делами? А я могла бы помочь прошение ваше сдвинуть. Да вы и сами могли бы, но вам нельзя, для себя нельзя, а мне можно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.